

ПРАВИЛА, ЮРИДИЧЕСКИЙ ЯЗЫК И РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

В. В. ОГЛЕЗНЕВ
ogleznev82@mail.ru

В. А. СУРОВЦЕВ
surovtsev1964@mail.ru

Томский государственный университет

VITALY OGLEZNEV and VALERY SUROVTSEV
Tomsk State University, Russia

RULES, LEGAL LANGUAGE, SPEECH ACTS

ABSTRACT. The article deals with the nature of legal rules. The authors argue that if all legal rules have obligative character, it means that they have the imperative nature. The article shows that the main feature of legal language is that for an explication of imperative character of legal rules is enough the fact of existence of this rule in particular legal system. Besides, an application of several points of the theory of speech acts to legal language allows showing that the question on what kind of linguistic form an imperative has (order, command, plea, etc.), doesn't matter, because this is always the legal rule.

KEYWORDS: obligations in Roman law, H. L. A. Hart, J. L. Austin, legal language, legal rules, speech acts, imperative.

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентноспособности Томского государственного университета.

Общепринято понимать право как систему правил поведения. Действительно, чтобы право могло оказывать регулятивное воздействие на поведение людей, оно должно располагать необходимыми средствами. Эти средства социальной регуляции, будучи нормативной основой права, не только определяют границы должных и возможных индивидуальных поступков субъектов, но, в конечном счете, нацелены на упорядочение и совершенствование общественной жизни, внесение в нее организующих начал. Основным инструментом нормативного воздействия, наиболее релевантным сфере права, являются правила, которые представляют собой эталон, образец или стандарт поведения. Правила поведения – это непосредственно регулятивные нормы, нормы прямого регулирования. Они отличаются от иных видов социальных норм предостаточно-обязывающим характером, т.е. устанавливают при наличии соответствующих условий вид и меру охраняемых и гарантируемых государством возможного и должного поведения участников общественных отношений. При этом независимо от словесной формулировки, в которой выражена

ΣΧΟΛΗ Vol. 8. 2 (2014)

© В. В. Оглезнев, В. А. Суровцев, 2014

www.nsu.ru/classics/scholar

та или иная правовая норма (правомочие, веление, дозволение, запрет и т. п.), она всегда представляет собой властное предписание государства относительно возможного и должного, разрешаемого и запрещаемого поведения людей. Эту суть правовых правил удачно описал Герберт Харт, который по праву считается классиком современной философии права: «правила мыслятся и описываются как предписания, налагающие обязательства в том случае, если существует настоятельное общее требование им соответствовать, подкрепленное давлением со стороны социума против тех, кто не соблюдает их или пытается это сделать» (Харт 2007, 92).

Правила, которые предписывают делать что-либо или воздерживаться от определенных действий вне зависимости от желания, Харт называет «первичными» или базовыми.¹ Существует два вида «первичных» правил: 1) правила, налагающие обязанности по совершению определенных действий, либо воздержанию от действий под «угрозой санкций» (например, уголовно-правовые нормы); 2) правила, дающие полномочия на совершение действий и рекомендации о процедуре их совершения, несоблюдение которой влечет юридическую «недействительность» или «ничтожность» действий (например, нормы гражданского права о договорах, завещаниях). По сути дела различие между 1) и 2) сводится к различию категорических и гипотетических норм, которые в общем виде можно представить с помощью следующих форм: «X обязан делать Y» и «Если X хочет Z, то X обязан делать Y» соответственно.

В обычном языке предоставительно-обязывающий характер правовой нормы раскрывается в том, что заключенное в норме правило поведения выражается с помощью таких языковых конструкций как «Поступай так-то и так-то» и «Если хочешь то-то и то-то, поступай так-то и так-то». Несмотря на различие этих конструкций, в обоих вариантах эксплицитно присутствует императивное веление, которое придает правовым правилам общеобязательный, универсальный и формально-определенный характер. Интересно то, что в рамках употребления подобных конструкций, направленных на подчинение правилу, раскрывается специфическая императивная функция языка, в отличие от других его функций, таких, например, как дескриптивная (функция описания фактов).

Различие этих функций представляет серьезный интерес, поскольку возвращает нас к проблеме соотношения «должного» и «сущего», известной в философии как «гильотина Юма», причем придает ей новый ракурс рассмотре-

¹ Харт также выделяет группу вторичных правил, посредством которых первичные правила приобретают законную силу: «Правила второго типа оказываются в некотором роде паразитическими или вторичными, ибо они позволяют людям путем совершения определенных действий, ввести новые правила первого типа, удалить или изменить старые или различными способами изменить сферу их применимости и установить контроль над их исполнением» (Харт 2007, 87). Здесь нас будут интересовать только первичные правила.

ния. Действительно, речь здесь идет уже не об объективной стороне различия того, что есть, и того, что должно быть, но о том, как это различие отражается на различных функциях языка. Дело, собственно, не в том, что мы не можем установить необходимую логическую связь между сущим и должным в форме перехода от первого ко второму, но в том, что языковые конструкции, соответствующие дескриптивной и императивной функции языка, не сводимы друг к другу. В этом отношении значительный интерес представляют собой особенности функционирования правовых норм, в которых наиболее отчетливо выражено требование следовать определенным правилам. Для понимания этих особенностей необходимо выяснить, во-первых, в чем заключается принуждающая сила правила, что значит следовать ему; во-вторых, в каких формах выражается эта принуждающая сила в рамках реализации императивной функции языка; в-третьих, каким образом это отражается на специфике употребления юридических понятий.

В основании любого правила лежит идея повиновения или следования ему. Дети, в подражание игрокам передвигающие фигуры по шахматной доске, не повинуются и, следовательно, не нарушают шахматных правил – они в принципе не *играют* в шахматы. В этом смысле шахматист может нарушить правило игры только в том случае, если он усвоил идею повиновения этому правилу. Без практики повиновения или следования правилам мы не сможем понять, что нечто представлено в качестве правила. Понять правило означает понять заключенную в нем идею повиновения. В правиле должно быть нечто такое, что приказывает, заставляет и вынуждает нас ему следовать. Если мы усвоили правило, мы, применяя его, не интерпретируем правило относительно конкретной ситуации, мы просто ему повинемся. Как утверждал Л. Витгенштейн: «Повинаясь правилу, я не выбираю. Правилу я следую слепо» (Витгенштейн 1994, 167). Невозможно также, чтобы правилу следовал только один человек, и всего лишь однажды (Витгенштейн 1994, 162). Нельзя утверждать, считает Витгенштейн, что каждый отдельный (индивидуальный) случай действия по привычке или обычаю – это факт следования правилу.

По мнению Харта, наличие правила иногда вообще можно отрицать. Это случается тогда, когда вопрос о том, проявляется ли в действии актора следование некоторому правилу подменяется психологическим вопросом, относящимся к мыслительным процессам, предшествовавшим или сопровождающим действие. Когда человек принимает правило как обязывающее и как нечто такое, что он и другие не вольны изменить, он обычно воспринимает то, что оно требует в конкретной ситуации, уже на уровне интуиции и следует ему, не рефлексивая относительно самого правила, почему оно таково. Когда мы, следуя правилу, двигаем шахматную фигуру или останавливаемся на красный свет, наше подчиняющееся правилам поведение является прямой реакцией на ситуацию, не опосредованной расчетами относительно категории правила (Ладов–Суровцев 2008, 4–6).

В качестве доказательства того, что такие действия являются подлинным применением правил, Харт указывает на их развитие в определенных обстоятельствах. Действительно, правила по характеру воздействия могут быть разными. Некоторые из правил предшествуют тому или иному действию, другие следуют за ним, а некоторые устанавливаются лишь в общих и гипотетических категориях. Однако наиболее важный фактор, показывающий, что, действуя, мы следуем некоторому правилу, заключается в том, что если против нашего поведения возражают, мы склонны оправдывать его отсылкой к правилу. Подлинность нашего принятия правила проявляется не просто в том, что мы раньше следовали ему, но в том, что мы критикуем себя и других за отклонение от правила. На основании подобных свидетельств мы действительно можем заключить, что если, до нашего «неосознанного» согласия с правилом, нас попросили бы сказать, как поступать правильно и почему, мы, если бы отвечали честно, указали на правило. Именно регуляция подобного типа, а не сопровождение правила явной мыслью о его соблюдении является необходимым для различения действия, являющегося подлинным соблюдением правила, и действия, случайно совершенного в согласии с ним. Как утверждает Харт, именно поэтому мы можем отличить согласованный с принятым правилом ход взрослого шахматиста от действия ребенка, который просто переместил фигуру на правильное место (Харт 2007, 143–144).

Но как распознать заключенный в правиле обязывающий элемент? Или, другими словами, как понять, что перед нами правило и ему следует подчиниться?

В различных ситуациях один человек может выразить желание, чтобы другой сделал нечто или воздержался от некоторого действия. Когда такое выражение не просто сообщает информацию, но содержит намерение, чтобы человек, к которому обращено желание, подчинился, тогда в языке обычно используется специальная языковая форма, называемая повелительным наклонением, или императивом, например, «Ступай домой!», «Иди сюда!», «Стой!», «Не убивай его!» (Харт 2007, 26). Очевидно, что подобные выражения побуждают человека к определенным действиям, формируя социальное поведение. Осознание того, что слова выполняют не только дескриптивную функцию, а играют активную роль, позволяет выйти за рамки изучения пропозициональной стороны языка и сосредоточиться на коммуникативной стороне речи, что находит свое отражение в специфическом направлении философии обыденного языка – теории речевых актов. Анализ понятий «использования», или «употребления» в терминах теории речевых актов, позволяет рассматривать язык не с точки зрения значений составляющих его выражений, но, в первую очередь, как совокупность *действий*. В конечном счете, речевые действия понимаются как своеобразное *социальное поведение*, т. е. как ряд поступков, которые при определенных обстоятельствах ожидаются социумом от индивида.

В рамках теории речевых актов императив первоначально не рассматривался в качестве особого речевого акта. Например, британский лингвистический

философ Дж. Л. Остин не выделял императивы в отдельную группу, указывая лишь на то, что термин «перформатив» используется в соответствующих ситуациях и конструкциях примерно так же, как мы употребляем термин «императив» (Остин 1986, 27). Однако уже Харт отмечает потребность в различии разновидностей императивов по отношению к контексту, задаваемому социальной ситуацией. Вопрос о том, в каких стандартных ситуациях употребление высказываний в повелительном наклонении может быть классифицировано как «приказ», «прошение», «запрос», «команда», «указание» или «инструкция», является методом не только обнаружения лингвистических фактов, но и способом выявления сходств и различий между всевозможными социальными ситуациями и отношениями, распознаваемых в языке (Харт 2007, 242). Следствием этого является особая важность их понимания для изучения права и морали.

В классификации речевых актов Дж. Сёрла роль императивов в некоторой степени выполняют директивы, где последние представляют собой речевые акты, в которых говорящий намеревается принудить слушающего осуществить нечто такое, что соответствует продуцируемому интенциональному содержанию (Сёрл 1986, 182). Совершение речевого акта относится к тем формам поведения, которые регулируются правилами. По мнению Сёрла, необходимо проводить различие между двумя видами правил. Одни правила регулируют формы поведения, которые существовали до них; другие правила не просто регулируют, но создают или определяют новые формы поведения. Правила первого типа Сёрл называет регулятивными, а второго – конститутивными (Сёрл 2010, 59). Регулятивные правила обычно имеют форму императива, например, «Мойте руки перед едой», в то время как конститутивные правила не являются императивными, поскольку сами содержат то, что определяют, например, правила футбола содержат в себе определение понятия «гол». Сёрл отдает предпочтение изучению именно конститутивных правил, отмечая, что семантику языка следует рассматривать как ряд систем конститутивных правил, регулятивные же правила он уподобляет правилам общения, в которых выражаются формы социального поведения.

Итак, с точки зрения теории речевых актов предварительно можно отметить, что императив удовлетворяет условиям речевой ситуации, которая содержит принуждающий элемент действовать определенным образом и при этом выражает регулятивное правило. Следует отметить, что эти характеристики как раз подходят для выражения правовой нормы, как она была представлена выше. Необходимо, однако, выяснить какого рода императивы в наибольшей степени соответствуют выражению именно правовой нормы.

Характеризуя стандартный способ употребления повелительного наклонения в языке, следует отличать случаи, когда говорящий в качестве информации о себе самом просто сообщает о том, что он желает, чтобы другой поступил определенным образом, от случая, когда он говорит с намерением сделать так, чтобы другой, действительно, поступил указанным образом (Hart 1952,

61). Учет характерных особенностей использования выражений повелительно-го склонения необходим, но не достаточен для того, чтобы выявить намерение одного лица (употребляющего императив) заставить другого поступить так, как того желает говорящий. Обязательным условием является желание говорящего донести до слушающего, что цель императива как раз и есть реализация этого желания, и тем самым повлиять на то, чтобы он поступил именно так, а не иначе.

Одна из сложностей, которая возникает при анализе общего понятия «императив», является то обстоятельство, что для приказов, команд, просьб и других разнообразных форм императивов, несмотря на их лингвистическую близость, не существует общего слова, которое точно выразило бы намерение говорящего, чтобы другой совершил или воздержался от совершения определенных действий; аналогично, нет одного слова и для обозначения совершения или воздержания от совершения этого действия (Афонасин-Дидикин 2006, 12). Все обычные выражения (такие, как приказы, требования, повиновение, подчинение) содержат оттенки тех различных ситуаций, в которых они обычно используются. Например, воинский приказ старшего по званию существенно отличается от приказа вооруженного грабителя отдать ему все, что у вас есть. Для описания этих и других подобных ситуаций использование слов «приказ» и «подчинение» (как и жертва в ситуации с вооруженным грабителем, так и младший по званию, *должны* подчиниться) не всегда корректно. Поскольку эти слова едва ли адекватно описывают, например, ситуацию с грабителем, ибо приказ предполагает авторитетность (или субординацию) лица, его отдающего, в то время как подчинение часто расценивается как смирение, покорность и в некоторых случаях уважение (например, сына перед отцом, ученика перед учителем и т. д.). Даже такие высказывания, часто используемые в повседневной жизни, как «Сказать, чтобы некто сделал нечто», невозможно однозначно интерпретировать, поскольку не всегда ясно, приказ это или просьба.

Обратимся теперь к предоставительно-обязывающему характеру правовой нормы. Выше мы отмечали, что заключенное в норме правило поведения выражается такими языковыми конструкциями как «Поступай так-то и так-то» и «Если хочешь то-то и то-то, поступай так-то и так-то». Право *ipso facto* является эффективным регулятором социальных отношений. Тогда правовые правила должны быть регулятивными правилами, которые, как мы отметили выше, имеют форму императива. Нет сомнений в том, что такие выражения как «Уважай старших» и «Уступи место пассажирам с детьми и инвалидам» имеют разный прагматический эффект и разную императивную нагрузку. Иногда и сам вопрос, являются ли некоторые из этих выражения правилами, вызывает возражения. Но основное отличие правовых норм от иных социальных норм как раз и заключается в том, что скрытый в них обязывающий элемент повелевает, руководит и, в конечном счете, определяет наше поведение. Я хочу перейти дорогу (проезжую часть) там, где мне это удобно, а не в том месте, где правовые нормы заставляют меня это сделать. Я не хочу пристегивать ремни

безопасности, находясь в транспортном средстве, поскольку вопрос безопасности – это вопрос моего отношения к безопасности. Однако соответствующие нормы права вынуждают, заставляют меня это сделать.

Выражение «предоставительно-обязывающий характер», как кажется, сбивает с толку. Догматическая юриспруденция говорит нам о том, что посредством правового воздействия на поведение людей право выполняет регулятивную и охранительную функции. Можно ли *предоставлять* нечто и *обязывать* нечто сделать одновременно? Ответ догматической юриспруденции – нет. Предлагая нам меры возможного и должного поведения, заключенные в правовой норме, право указывает на то, какие образцы или стандарты поведения являются приемлемыми для данного общества. Тем самым, право как бы нам *предоставляет* право выбора линии поведения, и если мы выбрали правильную (в смысле, активную правомерную) линию поведения, то *обязывает* ее придерживаться. Но это не подлинный выбор, ведь правило не дает нам свободы выбора, как говорил Витгенштейн: «Правило, единожды наделенное определенным значением, прочерчивает линии следования через все пространство» (Витгенштейн 1994, 167). Вообще сложно представить, что есть выбор в том, что можно воспользоваться предоставленной нормой права правомочием или от этого отказаться. Следует ли в таком случае говорить о выборе? Находясь в рамках правовой системы, мы обязаны (а не можем) использовать для достижения поставленных целей лишь дозволенные (разрешенные) с точки зрения права средства. Мы не выбираем то, подходят ли предоставленные средства для решения конкретного вопроса, а выбираем из того, что нам предоставлено. В этом смысле мы обязаны выбрать определенный вариант поведения, и обязаны ему следовать, или как говорили римские юристы: *Id tantum possumus quod de jure possumus*. Возможно, именно в этом и заключается суть регулятивного воздействия правового правила. Но если это так, тогда все правовые правила имеют обязывающий характер, а значит, и императивную природу. В этом и заключается основная особенность юридического языка, поскольку для экспликации императивного характера правовых правил достаточно самого факта наличия данного правила в конкретной правовой системе. Кроме того, не имеет значения вопрос, какая лингвистическая форма у императива (приказ, команда, просьба и т. д.), т. к. это всегда правовое *правило*.

Конечно, слова, обязывающие нас нечто сделать, встречаются и в обыденном языке. Но у этих слов тоже есть свои семантические и прагматические оттенки, например, у таких выражений как «Мужчина *обязан* заботиться о своей женщине» и «Каждый *обязан* платить налоги», слово «обязан» имеет *prima facie* разный экспрессивный и императивный эффект. Поэтому целью лингвистического анализа является не установление эмпирических фактов, хотя учет контекста социального взаимодействия, безусловно, важен, но раскрытие исчерпывающего репрезентативного содержания используемых понятий. Наиболее удачным примером анализа обязывающих слов является случай с вооруженным грабителем, который был подробно рассмотрен Хартом (Харт 2007, 88–90).

Итак, *X* приказывает *Y* отдать деньги, угрожая в противном случае убить его. Согласно теории принуждающих приказов британского правоведа Дж. Остина эта ситуация иллюстрирует понятие обязательства или обязанности в целом (Austin 1995, 14–18). Правовые обязательства могут быть обнаружены и определены на основании этой ситуации: *X* должен быть сувереном, которому по привычке повинуются, а приказы должны носить общий характер и предписывать типы поведения, а не совершение отдельных действий. Схема с вооруженным грабителем это именно тот случай, когда мы уверенно можем сказать, что *Y*, если он принял решение повиноваться, будет *должен* отдать свои деньги. Однако, с другой стороны, ясно, что мы ошибочно истолкуем смысл ситуации, если скажем, что *Y* *имел долг* или *обязанность* отдать деньги. Поэтому для должного понимания смысла понятия «обязанность» мы нуждаемся в соответствующем аналитическом инструментарии. Необходимо объяснить различие между утверждением, что некто *был должен* совершить определенные действия, и утверждением, что он *имел обязанность* совершить его. В первом случае, отмечает Харт, речь идет, как правило, о побуждениях и мотивах для совершения действия: в случае с грабителем *Y* должен был отдать свои деньги потому, что думал, что в противном случае с ним случится нечто весьма неприятное, и выполнил приказание для того, чтобы избежать этих последствий. В подобных случаях перспектива, которая открывается перед агентом, стоящим перед выбором, в случае, если он откажется повиноваться, делает действия, которые он предпочел бы совершить в противном случае (сохранить свои деньги) заведомо менее приемлемыми. И все же, хотя подобные ссылки на общие представления о серьезности вреда и разумную оценку вероятности его нанесения имплицитно присутствуют в этой ситуации, утверждение, что этот человек *был обязан* повиноваться другому, в целом носит психологический характер и касается представлений и мотивов, на основании которых совершается действие. Утверждение, что некто *имел обязанность* совершить определенные действия, принципиально отличается от утверждения, что этот человек *был обязан* повиноваться другому. Дело не только в том, что в случае с вооруженным грабителем, факторы, определяющие поведение *Y*, а также его оценку ситуации и мотивы выбора того или иного способа действия достаточны, чтобы обосновать утверждение, что *Y* был должен отдать свой кошелек, однако недостаточны, чтобы обосновать утверждение, что этот человек имел обязанность совершить данное действие. Верно также и то, что факторы подобного рода, т.е. факты, касающиеся оценки и мотивов, не являются необходимыми для того, чтобы сделать утверждение о том, что человек имел обязанность, истинным. Равно как и нет противоречия в том, чтобы сказать о закоренелом жулике, что он имел обязанность заплатить арендную плату, но не испытывал никаких таких чувств, когда сбежал, не сделав этого. Чувствовать себя обязанным и быть обязанным – это разные, хотя часто и сопутствующие друг другу вещи. Отождествлять их было бы ложным истолкованием

обязанности как психологического чувства, хотя психологическое отношение и является важным внутренним аспектом правил (Харт 2007, 93).

Определение Остином обязанности как возможности причинения страданий или наложения санкций является в лучшем случае неубедительным анализом понятия *быть обязанным* сделать нечто, и слишком неподходящим для анализа – *иметь обязанность* (Hart 1957, 966). О женщине, которой угрожает бандит, верно сказать, что она была обязана отдать ему свой кошелек, если боится расправы, но на основании этих фактов было бы абсурдным сказать, что у нее было обязательство отдать ему свой кошелек. Различные логические следствия приписываются соответственно высказываниям «Она имела обязательство это сделать» и «Она была обязана это сделать», и понятие обязательства можно прояснить, только сделав это явным. Например, было бы противоречивым сказать, что «Она была обязана отдать свой кошелек, но этого не сделала»; но в том, чтобы сказать «Она имела обязательство передать кошелек, но этого не сделала» никакого противоречия нет. Сходным образом было бы противоречивым сказать «Она была обязана отдать кошелек, но не боялась неблагоприятных последствий в случае невыполнения или отказа сделать это»; но никакого противоречия нет в том, чтобы сказать «У нее было обязательство отдать кошелек и не бояться неблагоприятных последствий в случае невыполнения или отказа сделать это».

Эти различия очерчивают два различных, хотя и соотносящихся понятия и поэтому два различных типа социальных ситуаций. Ключевым различием является следующее. Сказать кому-то, что он имеет обязательство совершить действие, не является ни оценкой его шансов на ущерб, если он чего-то не сделает, ни психологическим высказыванием о нем, например, что он сделал это из страха перед наступлением неблагоприятных последствий. Наоборот, это значит указать его позицию в отношении к правилу – необходимому руководству к действию в ситуации, подобной этой. Правила (такого типа) существуют тогда, когда данная социальная группа трактует определенные типы действия (которые либо прямо, либо косвенно определены законодательной властью) как *стандарты* поведения. Это в свою очередь означает: 1) что отклонение от определенных типов действий (в отличие от несоблюдения того, что просто привычно) обычно критикуется как отступничество и воспринимается как правомерное указание на необходимость употребления различных вариантов серьезного давления, принуждения или наказания («санкций») в отношении субъектов девиантного поведения; 2) что отсылка к общему одобрению стандарта принимается как причина или оправдание для требований соблюдать, даже если в любом *отдельном* случае не может быть никакого «шанса» для санкций за несоблюдение и боязни их применения (Hart 1957, 966). Следовательно, «Он был обязан» и «Он имел обязательства» могут расходиться в особом случае, где отсутствует страх перед несоблюдением. Верно, конечно, и то, что в обычной правовой системе, где санкции применяются нормально и единообразно, такие случаи расхождения будут исключением, но различие остается

ся, и сохраняется важность понимания как понятия обязательства, так и соответствующего типа правила. Как только утверждается, что санкции обычно следуют за несоблюдением, то из этого ошибочно делается вывод, что «наличие обязательства» заключается просто в наличии угрозы применения санкции, и поэтому, невозможно иметь обязательство, если санкция за несоблюдение не предполагается.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам, которые подтверждают изначально заявленную гипотезу, что все правовые правила имеют обязывающий характер, а значит, и императивную природу. Основная особенность юридического языка как раз и заключается в том, что для экспликации императивного характера правовых правил достаточно самого факта наличия данного правила в конкретной правовой системе. Кроме того, применение отдельных положений теории речевых актов в юридическом языке, позволило показать, что не имеет значения вопрос, какая лингвистическая форма у императива (приказ, команда, просьба и т. д.), и в каких формах выражается принуждающая сила правового правила в рамках реализации императивной функции языка, т.к. это всегда правовое *правило*.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Афонасин, Е. В., Дидикин, А. Б. (2006) *Философия права*. Новосибирск.
- Витгенштейн, Л. (1994) *Философские работы*. Часть 1, пер. с нем. М. С. Козловой. Москва.
- Ладов, В. А., Суровцев, В. А. (2008) *Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества*. Томск.
- Оглезнев, В. В. (2010) «Онтоэпистемологические основания философии права Герберта Харта», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 4, 137–148.
- Остин, Дж. Л. (1986) «Слово как действие». *Новое в зарубежной лингвистике*. Выпуск XVII, отв. ред. Б. Ю. Городецкий. Москва: 22–130.
- Сёрл, Дж. Р. (1986) «Классификация иллокутивных актов». *Новое в зарубежной лингвистике*. Выпуск XVII, отв. ред. Б. Ю. Городецкий. Москва: 170–194.
- Сёрл, Дж. Р. (2010) «Что такое речевой акт?» *Философия языка*, пер. с англ. И. М. Кобозевой под ред. В. Д. Мазо. Москва: 56–74.
- Харт, Г. Л. А. (2007) *Понятие права*, пер. с англ. под ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. Санкт-Петербург.
- Austin, J. (1995) *The Province of Jurisprudence Determined*. Cambridge.
- Benditt, Th. M. (1974) "On 'Levels of Rules' and Hart's Concept of Law," *Mind* 83, 422–423.
- Bernstein, R. (1964) "Professor Hart on Rule of Obligation," *Mind* 73, 563–566.
- Gerber, D. (1972) "Levels of Rules and Hart's Concept of Law," *Mind* 81, 102–105.
- Hart, H. L. A. (1957) "Analytical Jurisprudence in Mid-Twentieth Century: A Reply to Professor Bodenheimer," *University of Pennsylvania Law Review* 105, 953–975.
- Hart, H. L. A. (1952) "Signs and Words," *The Philosophical Quarterly* 2, 59–62.